

Научная статья
УДК 94(47).083
DOI 10.37724/RSU.2023.80.3.002

**«Мягкая сила» русского политического национализма:
консервативная концепция
российской наднациональной имперской государственности
второй половины XIX — начала XX века¹**

Максим Николаевич Крот
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
mnkrot@sfedu.ru

Аннотация. Вызов национализма, с которым Российская империя столкнулась в XIX веке, в значительной степени актуализировал обсуждение вопроса о проблемах и перспективах российской имперской государственности в отечественном консервативном дискурсе. Его участники настаивали на необходимости устранения значительных элементов архаики, характерных для Российской империи, и преодоления свойственной ей гетерогенности посредством дальнейшей унификации имперского пространства и формирования единой русской политической нации. Во второй половине XIX века в российской консервативной идеологии сформировалась концепция наднациональной имперской государственности, анализ содержания которой является целью представленной статьи. Политический национализм, отстаиваемый значительной частью отечественных консерваторов, предполагал приоритет государственного единства над национальными интересами, что обуславливало неприятие силовых методов подавления этнической и культурной самобытности народов, проживавших в Российской империи, и стремление к «нравственному завоеванию» национальных окраин посредством комплекса неконфликтных интегративных методов, представлявших собой стратегию «мягкой силы». Вопреки общественному мнению, отечественные консерваторы являлись противниками лозунга «Россия для русских» в его националистическом прочтении, указывая на опасность возобладания этнонационального принципа в многонациональном государстве, реализация которого могла привести к установлению односторонней силовой доминанты в имперской политике и, как следствие, «упразднению» России как империи. Консервативная концепция российской наднациональной имперской государственности основывалась на признании необходимости сохранения полиэтничного характера имперского социума и отрицала этнический национализм, распространявшийся в Европе, который в условиях многонациональной Российской империи неизбежно вел к острым межнациональным конфликтам, угрожавшим распадом полиэтничной государственности.

Ключевые слова: Российская империя, консерватизм, «мягкая сила», политический национализм, имперская государственность, унитаризм, М. Н. Катков, М. В. Юзефович, С. Н. Сыромятников.

Для цитирования: Крот М. Н. «Мягкая сила» русского политического национализма: консервативная концепция российской наднациональной имперской государственности второй половины XIX — начала XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 3 (80). С. 28–38. DOI: [10.37724/RSU.2023.80.3.002](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.80.3.002).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01912 ««Мягкая сила» империи: неконфликтные формы и практики интеграции западных регионов России в 1881–1904 гг.».

The “soft power” of Russian political nationalism: a conservative concept of Russian supranational imperial statehood in the 2nd half of the 19th — early 20th century

Maxim Nikolaevich Krot
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
mnkrot@sfnu.ru

Abstract. In the 19th century, the Russian Empire faced challenges of nationalism, and to a large extent this activated discussions of the problems and prospects of Russian imperial statehood in conservative social discourse. The participants in such discussions insisted on the need to eliminate obvious obsolete elements in the Russian Empire and overcome its inherent heterogeneity, through further unification of the imperial space and the formation of a single Russian political nation. In the second half of the 19th century, Russian conservative ideology developed the concept of supranational imperial statehood. The present article analyzes the content of this historical concept. Many Russian conservatives supported political nationalism and assumed the priority of state unity over national interests, which resulted in rejection of forceful methods of suppressing the ethnic and cultural identity of nationalities living in the Empire. The conservatives advocated “moral conquests” of national outskirts, through non-conflict integrative methods that represented a strategy of soft power. Contrary to popular beliefs, our conservatives were opponents of the slogan “Russia for Russians” in its nationalist interpretation, and saw the danger of the predominance of the ethno-national principle in a multinational state. They feared that its implementation could lead to the establishment of a unilateral power dominant in imperial politics and, as a result, the “disappearance” of Russia as an empire. The conservative concept of the Russian supranational imperial statehood was based on the recognition of the need to preserve the multi-ethnic nature of the imperial society and denied the ethnic nationalism that was spreading in Europe, which, in contrast with the situation in the multinational Russian Empire, inevitably led to sharp interethnic conflicts that threatened the collapse of the multi-ethnic statehood.

Keywords: Russian Empire, conservatism, “soft power”, political nationalism, imperial statehood, unitarianism, M. N. Katkov, M. V. Yuzefovich, S. N. Syromyatnikov.

For citation: Krot M. N. The “soft power” of Russian political nationalism: a conservative concept of Russian supranational imperial statehood in the 2nd half of the 19th — early 20th century. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 3 (80):[28–38](#). (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.80.3.002.

Введение

Интенсивные процессы развития русского национального самосознания, происходившие на всем протяжении XIX века, способствовали складыванию и развитию национально-государственного дискурса, в рамках которого происходило активное обсуждение проблем и перспектив развития российской имперской государственности. Нельзя не согласиться с утверждением, согласно которому формирование русской национальной идеи было напрямую связано со становлением национальной идентичности и национальными движениями народов Российской империи, что происходило либо в форме ответа на прямой национальный вызов, поставивший под сомнение правомерность русского доминирования на некоторых окраинах, как это было, например, в Западном крае, либо в результате усиления национального компонента в политике российского самодержавия [Каппелер, 2005, с. 421].

Имперская проблематика в отечественной консервативной идеологии является недостаточно исследованным сюжетом, поскольку она рассматривалась исследователями или в контексте общей характеристики русского консерватизма второй половины XIX — начала XX века [Русский консерватизм, 2000 ; Репников, 2014], или в рамках анализа воззрений конкретных общественных деятелей консервативной направленности, наибольшее внимание из которых уделяется М. Н. Каткову [Твардовская, 1978 ; Репников, Милевский, 2011 ; Котов, 2016, 2019 ; Кэнсо, 2018]. Также данный вопрос затрагивался в многочисленных исследованиях, посвященных становлению и особенностям русского национализма [Миллер, 2006 ; Империя и нация, 2011 ; Роули, 2011 ; Тесля, 2012, 2019].

Особенность отечественного национализма второй половины XIX столетия состояла в том, что, позиционируя себя как «русский», он, в сущности, являлся национализмом «российским», поскольку отстаивал идею «политической русской нации» в рамках полиэтнической Российской империи, не предполагая ее превращения в «Империю русских». Укрепление русского государственного начала должно было повысить его конкурентоспособность в борьбе с соперничавшими национальными проектами в рамках государственного пространства империи и, тем самым, способствовать укреплению ее внутреннего единства и теснейшему сближению национальных окраин с государственным центром. Политический национализм стремился к обеспечению первенства русских интересов в империи, а также к противодействию «инородческой агрессии», осуществлявшейся в форме различных национальных «интриг», направленных не только на отторжение инородческих окраин от России, но и на всестороннее ослабление российской государственности и ее полное разрушение. При этом русскому политическому национализму длительное время были чужды идеи национально-биологической исключительности русской нации, ее природного превосходства над другими народами, обуславливавшие необходимость полной ассимиляции инородческого населения империи. Данное обстоятельство определяло неприятие большей частью представителей отечественной консервативной общественности силовых методов подавления этнической и культурной самобытности народов, входивших в состав Российской империи, и ориентацию на использование комплекса неконфликтных интегративных методов — «нравственное завоевание», олицетворявших собой стратегию «мягкой силы».

Данный концепт, введенный в научный оборот американским политологом Джозефом Наем, представлявший собой особую форму политического воздействия доминирующего субъекта, направленную на признание его морального авторитета и легитимности посредством неконфликтных управленческих практик [Nye, 2004, p. 7], применим не только к международным отношениям, но и к внутриполитической стратегии управления сложносоставными государственными образованиями, ярким примером которого являлась Российская империя. Отечественные консервативные публицисты, отстаивая собственные концепции сохранения и развития российской имперской государственности, стремились добиться не подавления, а единения всех составных элементов посредством формирования позитивного символического капитала имперского начала в сознании входивших в состав государства сообществ.

По мнению американского ученого Д. Роули, многовековой опыт существования российской имперской государственности препятствовал формированию элементов сознания и дискурсивных концептов, необходимых для возникновения националистического мышления в России, которое могло привести к разрушению имперского единства. Русское национальное самосознание с самых начальных этапов его интеллектуальной рефлексии имело универсалистско-имперский характер, существенно отличавшийся от партикуляристского и релятивистского мышления, лежавшего в основе европейского национализма [Роули, 2011, с. 214]. Если национализм представлял собой, согласно наиболее распространенному и общепринятому определению Э. Геллнера, политический принцип, утверждавший необходимость полного совпадения национального и политического единства, порождавший радость или гнев в случае его осуществления или нарушения [Gellner, 1983, p. 1], то русское политическое мышление никогда не настаивало на идентичности этнического и государственного пространств. Многонациональный характер Российского государства являлся объектом гордости имперских властей и считался составным элементом государственной идеологии и символики. Российская политическая элита осознавала, что для сохранения целостности крайне обширного и чрезвычайно разнородного имперского пространства следовало отказаться от любых попыток преодоления существовавших в нем культурных и языковых различий, признавая право инородцев на сохранение собственной самобытности. Несмотря на звучавшие политические декларации в консервативной прессе, политика русификации, проводимая российскими властями в позднеимперский период, была ориентирована не на построение единой русской государственной нации из разнородных этнических сообществ, а в первую очередь на удержание власти над стремительно модернизовавшимся государственным пространством посредством усиления административной централизации и унификации системы управления окраинными регионами [Хоскинг, 2001, с. 411].

Основная часть

Обращение к имперской проблематике в российской интеллектуальной среде во второй половине XIX века было продиктовано конкретными историческими условиями, связанными с общими тенденциями развития России и общемировыми процессами. Первый из таких факторов был определен самой логикой и характером империостроительства в России, поскольку именно во второй половине XIX века в целом завершилось территориальное «собрание» империи,

оформилась конфигурация ее географического пространства, отдельные локальные изменения границ которого (происходившие, в частности, в Средней Азии) не влияли на ее общий характер и представления о масштабе и структуре. Другим, внешнеполитическим фактором являлось начало борьбы за глобальный передел мира между ведущими мировыми державами и связанная с этим перестановка сил, в которой Российской империи предстояло занять свое место, трансформировав в соответствии с новыми вызовами не только внешнеполитическую доктрину, но и внутриимперскую политику, направив ее на укрепление государственного единства перед лицом новых внешних угроз.

Необходимость теоретического обоснования унитарной природы Российской империи в консервативном дискурсе была вызвана появлением в российских интеллектуальных кругах 1860-х годов федералистских идей и представлений. Их носителями и сторонниками являлась группа ученых-историков, придерживавшихся в своих исследованиях концепции «провинциализма», состоящей в отказе от господствующих взглядов на русскую историю, в основе которых лежали идеи государственности и централизации, и повышенном внимании к истории слагавших Российскую империю областей. Наиболее ярким представителем данной группы был историк А. П. Щапов, пользовавшийся огромной популярностью в студенческой среде и активно отстаивавший свои взгляды не только с университетской кафедры, но и на страницах столичных периодических изданий [Щапов, 1861]. Помимо него в эту группу ученых входили историки Н. И. Костомаров, П. В. Павлов, К. Н. Бестужев-Рюмин, Д. И. Иловайский и др. Все они стремились не только к научному изучению следов обособленной жизни различных областей Российской империи, связь между которыми характеризовалась ими как федеративная, но и, ведя активную публицистическую деятельность, формировали в российском обществе критическое отношение к идее централизации и запрос на федералистские идеи [Боярченко, 2021, с. 32–34]. Историческое обоснование концепции федерализма, которое легко могло быть перенесено из области научных изысканий и споров о прошлом в область современности в виде проектов федеративного переустройства России, не могло не вызвать обеспокоенности властей, усматривавших в интерпретации областной истории в федеративном ключе завуалированную критику существующей системы государственного устройства. Именно этими соображениями руководствовался министр внутренних дел П. А. Валуев, запрещавший публиковать работы Щапова, по его словам, «пахнущие за версту пугачевщиной» [Валуев, 1961, с. 138].

Однако противодействовать идеям федерализма при помощи исключительно административных методов было явно недостаточно. Федералистский концепт и идеи децентрализации, все шире проникавшие в русское общество, являвшиеся дополнительным фактором актуализации имперской проблематики в отечественных интеллектуальных кругах, а также Польское восстание 1863–1864 годов, трактуемое как прямое покушение на целостность Российского государства, побуждали идейных противников федерализма к детальному теоретическому обоснованию необходимости сохранения и упрочения государственного единства Российской империи.

Наиболее последовательным и убежденным сторонником идеи цельности и внутренней неделимости Российского имперского государства, выведшим ее из состояния некоей неосознаваемой априорной данности на уровень публичной теоретической рефлексии, был выдающийся представитель русской консервативной мысли, талантливый публицист и настоящий «властитель дум» пореформенной эпохи, к мнению которого прислушивались в высших кругах российской администрации, — Михаил Никифорович Катков.

Катков обратил на себя широкое внимание власти и общественности в период Январского восстания 1863–1864 годов, когда им впервые был публично поднят вопрос о проблемах и перспективах развития российской имперской государственности, внешних и внутренних вызовах, угрожавших ее существованию. Данной декларацией редактор «Московских ведомостей» громко заявил о себе как об «имперском публицисте», не только отстаивая собственные взгляды, но и чутко улавливая настроения русского общества, переживавшего период становления национального самосознания.

Ключевым и смыслообразующим элементом государственной системы России Катков считал самодержавие, органично утвердившееся в процессе исторического развития как наиболее целесообразная форма государственной власти в России. Являясь сторонником органической теории развития общества, свойственной консервативному мировоззрению, и полагая, что любое политическое развитие может прогрессировать только в сторону «собрания и сосредоточения

власти в единых руках», публицист видел в самодержавии наиболее важное достижение исторического развития русского общества и государства [Катков, 1898а, с. 224].

Давая развернутое теоретическое обоснование самодержавия как единственно возможной и наиболее целесообразной формы государственной власти в России, Катков также стремился осмыслить существование страны в качестве империи. В воззрениях консервативного мыслителя имперская идея была неразрывно связана с представлениями о государственной мощи, залогом сохранения и укрепления которой являлась единая централизованная государственная власть, гарантирующая территориальную целостность и неприкосновенность государственного пространства, а также духовное единение населения страны посредством формирования общей имперской идентичности. Катков был последовательным и убежденным сторонником тезиса о том, что Российская империя может существовать только как унитарное государство. В воззрениях консервативного публициста унитаризм являлся неотъемлемым элементом единого идейного континуума, описывающего природу и сущность Российской государственности как многосложного системного образования, включавшего в себя, помимо собственно унитаризма, монархизм и имперскость.

Появление федералистских идей и концепций развития Российского государства в новых исторических условиях, по мнению Каткова, являлось ничем иным, как новым, более гибким и скрытным, нежели вооруженное вторжение или провоцирование революционных смут, способом медленного, постепенного и незаметного внутреннего разрушения могущественного государственного тела России. Главная опасность и коварство этого способа заключались в том, что доктрина федерализма маскировалась под личиной прогресса и поиска нового, якобы более эффективного способа управления страной, способной смутить не только незрелые или испорченные умы, но и вполне солидных людей консервативного или либерального образа мыслей [Катков, 1898, с. 702–703].

Отстаивая идею унитаризма империи, Катков неоднократно заявлял, что политическое обособление отдельных частей государства, хотя и с сохранением над ними общей верховной власти, равносильно его разложению, и приводил в качестве примера опыт Османской империи, допустившей обособление своих национальных регионов и, тем самым, поставившей себя на путь постепенного и неизбежного распада [Катков, 1898, с. 711]. Деструктивную сущность данных концепций государственного развития публицист усматривал в идее национализма, лежащей в их основе, угрожавшей целостности многонационального имперского государства, каким являлась Россия.

Следует отметить, что Катков, как и большинство русских консерваторов, был чужд этнического национализма и отстаивал идею политической или государственной нации. Утверждая, что в Российской империи может существовать только одна русская государственная национальность, консервативный публицист подчеркивал, что «русская национальность есть не этнографический, а политический термин, что русский народ есть не племя, а исторически, из многих племенных элементов сложившееся политическое тело» [Катков, 1898б, с. 258–259]. Выступая за проведение здоровой русской национальной политики, мыслитель не вкладывал в это понятие никакого узкого национально-этнического смысла, рассматривая ее как «народную политику», проводимую в первую очередь в общегосударственных интересах, что и составляет содержание «катковского» национализма [Котов, 2015, с. 132]. Соответственно, в понимании Каткова «русскость» являлась скорее оценочным, нежели качественным свойством объекта, не связанным ни с его этническим происхождением, ни с конфессиональной принадлежностью. Первостепенными признаками данного свойства, имевшими решающее значение, для публициста выступали языковая унификация, политическая лояльность и защита русских государственных интересов [Иванов, 2017, с. 41].

Несмотря на жесткий и эмоционально окрашенный характер катковской имперской риторики, публицист был принципиальным противником доминирования силовых средств в окраинной политике Российского государства. Он неоднократно подчеркивал, что русификация должна быть направлена на укрепление «неразрывной внутренней связи империи с национальными окраинами», прежде всего путем их «нравственного завоевания» [Твардовская, 1978, с. 62]. Военные и административные меры являются лишь необходимой защитой целостности страны от прямых силовых посягательств. В новых исторических условиях на первое место в деле укрепления имперского единства должны выходить духовные и социокультурные факторы, воплощаемые в неконфликтных интегративных методах. В своих многочисленных публикациях по данному вопросу Катков фактически обосновывал стратегию «мягкой силы» по отношению к разнородным

элементам сложносоставной имперской государственности, подчеркивая, что «торжество какой-либо народности над противными и чуждыми ей элементами не достигается развитием одной внешней сил. Обладая внешней силой, господствующая народность должна стать еще силой внутренней и в... чуждых элементах возбуждать интерес и стремление сблизиться и сливаться с ней» [Катков, 1898, с. 259].

Стремление к всестороннему укреплению единства государственной национальности, сочетавшееся с признанием права этнических сообществ на сохранение своей культурной самобытности, свойственное воззрениям М. Н. Каткова, позволяет согласиться с мнением ряда современных исследователей, отмечавших, что в основе взглядов консервативного публициста на проблему государственного устройства Российской империи лежал принцип сохранения «единства в многообразии», который является ключевым принципом существования сложносоставных государственных образований, включавших в свой состав разнообразные по характеру и уровню развития составные элементы [Кэнсо, 2018, с. 47–48].

Отстаиваемую Катковым идею политической нации, на которой базировалась концепция надэтнической имперской государственности, в полной мере разделял и поддерживал видный киевский ученый-археограф, общественный деятель и публицист «русского направления» М. В. Юзефович, чья научная и общественная деятельность была направлена против полонизма и зарождавшегося украинского национального движения, которые он в равной степени считал враждебными русской государственности.

Воззрения Юзефовича, претерпевшие определенную трансформацию на протяжении всей его долгой творческой жизни, нельзя считать оригинальными, поскольку они строились на осмыслении и истолковании государственных идей наиболее видных представителей русской общественной мысли «первого плана» — М. Н. Каткова, братьев Аксаковых и др., однако данная «вторичность», характерная для большинства провинциальных администраторов и общественных деятелей, не помешала ученому на протяжении долгих лет последовательно отстаивать имперские и монархические принципы, являвшиеся, по его глубокому личному внутреннему убеждению, важнейшим залогом существования Российской государственности [Котов, 2019, с. 153].

Признавая «исключительное значение» русской народности, ученый в рамках отстаиваемой им концепции российской имперской государственности тем не менее выступал принципиальным противником смешения государственного и народного начал, которое, по его мнению, принципиально «упраздняет» возможность существования объединенного многонационального государства [Юзефович, 1867, с. 3]. Юзефович подчеркивал, что Российская империя представляет собой не этнографический, а политический организм, основным элементом объединенного существования которого выступает общая территория, а не племенная однородность. Требование последней мыслитель считал несовместимым с существованием «государственных единиц», по своей площади и сложному неоднородному племенному составу схожих с Россией [Там же, с. 2–3].

Для практической реализации данного принципа Юзефович призывал разграничить понятие «русскость» и православное вероисповедание, что в корне отличало его позицию от воззрений отечественных славянофилов и представителей национально-этнического крыла русского консерватизма.

Признавая в духовном и «строго народном» смысле невозможность оставаться русским, подчинив свою совесть римскому католическому «деспотизму» или протестантской духовной анархии, равно чуждым славянскому духу и основам его исторического развития, ученый тем не менее считал недопустимым применение «русско-православной теории» в реальной государственной политике. По мнению Юзефовича, данный подход способствовал изоляции составных частей государства от центра, не позволяя «русским иноверцам» считаться истинно русскими и искусственно отделяя их от единой государственной нации [Юзефович, 1867, с. 5].

Политический национализм Юзефовича, в полном соответствии с консервативной доктриной возвышавший государственные интересы над ценностями «второго порядка» — сословностью, вероисповеданием, этнической принадлежностью, был характерным выражением консервативной концепции наднациональной имперской государственности, сторонники которой с большим подозрением относились к любым явлениям, угрожавшим цельности и единству Российского государства.

Также на опасность возобладания этнически-национального принципа для имперской государственности указывал известный консервативный публицист рубежа XIX–XX веков С. Н. Сыромятников, публиковавшийся под псевдонимом «Сигма». Его обращение к данному вопросу произошло в контексте критики лозунга «Россия для русских!», впервые озвученного еще в 1867 году на страницах консервативной газеты «Весть» и впоследствии ставшего девизом многих

русских консерваторов и националистов, вкладывавших в него разнообразные смыслы [Иванов, 2016, с. 57–58].

В рамках анализа этого расхожего понятия, возведенного в ранг едва ли не ключевого принципа отечественной консервативной доктрины, публицист поставил вопрос о содержании понятия «русский», характер трактовки которого во многом определял направление государственной политики. Сыромятников, как и более ранние его предшественники, отвергал этнографическое и конфессиональное понимание данного термина, поскольку оно выводило за пределы данного обозначения пестрое по своему этническому составу российское дворянство, а также верных русскому делу раскольников и сектантов. Этнически чистая «русскость» значительной части населения России, по мнению публициста, также может быть поставлена под сомнение, поскольку большинство великороссов имели финско-татарские корни [Сигма (Сыромятников), 1896]. Исходя из данных аргументов, он, как и Катков, указывал, что «русский» есть понятие государственное, обозначающее «господствующее население империи, употребляющее один государственный язык, управляемое одними законами» [Там же, с. 2]. Это понятие может включать в себя представителей разных народностей, объединенных осознанием своей общности, единого исторического пути, зависимости друг от друга, единого общенародного блага.

Управление другими народами, создание и поддержание имперской государственности Сыромятников считал тяжким бременем, налагающим на имперскую нацию большие обязанности, затраты и огромную ответственность. Русский народ, воспринявший идею империи извне, одновременно с Востока и Запада, «всегда думал о себе меньше, чем о своих подчиненных... которых он вывел на арену истории и которые заговорили его языком» [Сыромятников, 1901, с. 106–107]. Российская имперская государственность не имела в своей основе материальных интересов, вследствие чего русский народ мог быть беднее покоряемых им племен, в отличие от колониальных империй, забравших у подчинившихся им богатства и презиравших их душу. Сыромятников указывал на наличие имперской миссии русского народа, которая заключалась в возвышении над узкими национально-племенными интересами, свойственными «народам-мещанам», и преобразовании и упорядочивании окружающего мира в соответствии с божественным замыслом. Для этого требовалось взять все лучшее, что таилось в душе покоренных народов, «развить, преумножить, расширить то, что получил от них, не только на пользу себя, но и им» [Там же, с. 107]. Реализовать этот замысел невозможно без применения силы, однако ее использование оправдано самим характером целей, во имя которых она применяется. Публицист подчеркивал, что сила, лежащая в основе империй, направлена на добро и действует во имя всеобщей справедливости.

Сыромятников предостерегал от двух крайностей при осуществлении имперской политики: от уничтожения духа покоренных, что существенно обеднит господствующую нацию, лишив ее притока свежей энергии и сил, а также от заимствования их права, морали, философии и идеалов, которые всегда более узки и приземлены, нежели имперская идея. Публицист допускал возможность развития национальных языков и культурных особенностей, которые, наряду с русской культурой, составляют богатство имперского разнообразия. Однако российская имперская государственность должна быть русской по своему названию и духу. Сыромятников писал: «Мы должны быть русскими, — и язык наш должен быть русским, и идеи наши должны быть русскими, широкими идеями народа-государя» [Сыромятников, 1901, с. 109]. Сохранение и развитие имперской государственности и имперскости русского народа, которому чужды приземленные и узкие националистические идеи, по мнению Сыромятникова, является главной составной идеей русского консерватизма.

Следует отметить, что на использовании неконфликтных, «мягких» интегративных средств в различных областях управления настаивали даже те государственные и общественные деятели, чьи имена в общественном сознании ассоциировались с жесткой консервативно-охранительной политикой. Так, один из влиятельнейших «столпов русского консерватизма», обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев — главный инициатор укрепления православия на окраинах и проведения там политики «церковно-приходской русификации» — указывал на необходимость избегания силового воздействия на местное население и использование неконфликтных способов его приобщения к государственной религии. В 1880-е годы, традиционно характеризуемые в историографии как время максимального усиления русификаторской политики в Прибалтике, Победоносцев, поддерживая миссионерскую деятельность православного духовенства остзейских губерний, в то же время требовал соблюдать «крайнюю осторожность» в деле обращения местного

населения в православие, не допуская никаких принудительных действий, и «отстранять от всех притеснений лютеранских пасторов и католичества» [ОР РГБ. Ф. 230. № 10802. К. 1. Л. 34].

В письме к эстляндскому губернатору С. В. Шаховскому, известному своими русификаторскими устремлениями, обер-прокурор настаивал на проведении «мягкой» религиозной политики, которая способствовала бы добровольному переходу в православие местного прибалтийского населения без применения силового давления. В будущем это могло позволить избежать «отпадения от православия», столь частых при его насильственном насаждении, и пресечь возникновение антиправительственных и межконфессиональных конфликтов [ОР РНБ. Ф. 246. Д. 73. Л. 12].

По мнению Победоносцева, укрепление православия в поликонфессиональных регионах должно было осуществляться посредством планомерного развития соответствующих учреждений, институтов и символических объектов, олицетворявших собой значимость и влияние государственной религии, способной не только принять, но и удержать приобщавшихся к ней [Дмитриева, 2022, с. 908–909].

Являясь сторонниками русификации национальных окраин Российской империи, отечественные консерваторы разделяли ее на государственную и национальную, подчеркивая, что обязательный характер, связанный с использованием административно-принудительных методов, должна иметь лишь первая из них, направленная на поддержание политической лояльности, сохранении государственной целостности, знание и применение в делопроизводстве и публичной сфере государственного языка. Консерваторы неоднократно подчеркивали, что такое «государственное обрусение» ни в коем случае не ущемляет местные национальные особенности, язык, вероисповедание, бытовой уклад народов Российской империи. Национальная же русификация, под которой понималась фактическая ассимиляция инородцев, предполагавшая их присоединение к вере, быту, образу мыслей титульной нации, могла проходить исключительно по собственному желанию и добровольному побуждению народов без какого-либо принудительного давления извне [Тихомиров, 1997, с. 547–548].

Заключение

Сторонники консервативно-имперской доктрины государственного развития России настаивали на необходимости устранения сохранявшихся архаических элементов в структуре российской государственности, выражавшихся в существовании традиционных форм организации управления окраинными регионами, где значительная часть властных полномочий находилась в руках региональных элит, а также в крайне слабом развитии русских государственных начал, вытесняемых альтернативными ассимиляторскими проектами либо местными традиционными формами общественного бытия. В то же время консерваторы выступали против автономизации имперского пространства, связанной с усилением националистических тенденций в жизни многонационального российского общества. По их мнению, и тот, и другой варианты развития российской имперской государственности неизбежно приведут к ее разрушению, чреватому тяжелейшими межнациональными конфликтами и социальными потрясениями.

Альтернативой этим двум в равной степени катастрофическим перспективам должна была стать разработанная концепция развития российской имперской государственности, направленная на сохранение империи, преодоление либо сглаживание присущей ей внутренней политической, правовой и культурной гетерогенности, универсализацию имперского пространства, защиту населения от альтернативных иногосударственных ассимиляционных проектов, а также на формирование единой государственной идентичности.

Предлагаемая консерваторами концепция российской наднациональной имперской государственности строилась на признании необходимости сохранения полиэтничного характера имперского социума и осознании неприемлемости для российских реалий этно-националистической политики, которая распалит межнациональные столкновения, грозящие утратой целостности имперского пространства. Национализм европейского типа ставил под сомнение сам факт существования Российской империи, сохранение и приведение которой в соответствие с требованиями наступавшей эпохи модерна являлось, по мнению отечественных консерваторов, важнейшей задачей российской государственной политики. Не отрицая использование в ходе ее проведения административно-силовых методов, необходимых для защиты от враждебного воздействия внешних ассимиляционных проектов, антигосударственных и антирусских «интриг», консерваторы отдавали предпочтение неконфликтным интегративным методам и практикам,

направленным на «нравственное завоевание» окраинных регионов. Отстаиваемая ими концепция русской политической нации предполагала единение и добровольное интегрирование различных народностей, стимулируемое, но не навязываемое сверху, что было возможно только при условии успешной модернизации и внутреннего совершенствования российской имперской государственности, от результатов которого зависела ее будущность.

Список источников

1. Боярченков В. В. «Русская история в самой основе своей есть... история областей». Провинциализм, народность и колонизация в историческом дискурсе федералистов эпохи Великих реформ // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. — М. : Новое лит. обозрение, 2021. — С. 30–51.
2. Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел : в 2 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 1: 1861–1864. — 423 с.
3. Дмитриева Н. В. Сакральная новостройка: Александро-Невский собор в Ревеле и проблема распространения православия в Эстляндской губернии в конце XIX — начале XX в. // Новейшая история России. — 2022. — Т. 12, № 4. — С. 906–924.
4. Иванов А. А. Консервативная критика лозунга «Россия для русских» (конец XIX — начало XX в.) // Историческая экспертиза. — 2016. — № 2. — С. 56–70.
5. Иванов А. А. Трактовка понятия «русские» в российской консервативной мысли (1860-е — 1917 гг.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2017. — № 2 (22). — С. 40–50.
6. Империя и нация в зеркале исторической памяти. — М. : Новое изд-во, 2011. — 413 с.
7. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. — М. : Новое изд-во, 2005. — С. 395–435.
8. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864. — М. : Изд. С. П. Катковой, 1897. — 841 с.
9. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1881. — М. : Изд. С. П. Катковой, 1898. — 632 с., а.
10. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1882. — М. : Изд. С. П. Катковой, 1898. — 632 с., б.
11. Котов А. Э. «Современная нефеодалная монархия»: русская консервативная печать конца XIX века в поисках национальной идеологии // Тетради по консерватизму. — 2015. — № 4. — С. 130–146.
12. Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. — СПб. : Владимир Даль, 2016. — 486 с.
13. Котов А. Э. Русский политический предмодерн. Забытые «консерваторы» второй половины XIX века. — СПб. : Владимир Даль, 2019. — 288 с.
14. Кэнсо Я. Политический национализм М. Н. Каткова // Русская политология. — 2018. — № 1 (6). — С. 46–52.
15. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. — М. : Новое лит. обозрение, 2006. — 248 с.
16. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). — Ф. 230. — № 10802. — К. 1. — Л. 34 ; Ф. 246. — Д. 73. — Л. 12.
17. Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. — М. : РОССПЭН, 2014. — 527 с.
18. Репников А. В., Милевский О. А. Две жизни Льва Тихомирова. — М. : Academia, 2011. — 558 с.
19. Роули Д. Имперский versus национальный дискурс: случай России // Вопросы национализма. — 2011. — № 1 (5). — С. 212–230.
20. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 440 с.
21. Сигма (Сыромятников С. Н.). Разбор ходячих понятий // Новое время. — 1896. — № 144.
22. Сыромятников С. Н. Опыты русской мысли. — СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1901. — 321 с.
23. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. — М. : Наука, 1978. — 280 с.
24. Тесля А. А. Дебаты о народности // Социологическое обозрение. — 2012. — Т. 11, № 1. — С. 97–119.
25. Тесля А. А. «Истинно русские люди»: история русского национализма. — М. : Рипол-Классик, 2019. — 319 с.
26. Тихомиров Л. А. Русское дело и обрусение // Критика демократии. — М. : Москва, 1997. — С. 541–549.
27. Хоскинг Д. Россия: народ и империя. — Смоленск : Русич, 2001. — 512 с.
28. Шапов А. П. Великорусские области и Смутное время // Отечественные записки. — 1861. — № 10. — С. 579–616 ; № 11. — С. 79–118.
29. Юзефович М. В. Народность и государство. — Киев : Ун-я тип., 1867. — 8 с.
30. Gellner E. Nations und Nationalism. — NY : Ithaca, Cornell University Press, 1983. — 150 p.

References

1. Boyarchenkov V. V. "At its very core, Russian history is ... the history of the regions." Provincialism, national roots and colonization in the historical discourse of the federalists of the era of the Great Reforms. *Regiony Rossiyskoy imperii: identichnost, reprezentatsiya, (na)znacheniy* [Regions of the Russian Empire: identity, representation, mission]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2021, pp. 30–51. (In Russian).
2. Valuev P. A. *Dnevnik ministra vnutrennikh del: v 2 t.* [Diary of the Minister of Internal Affairs: in 2 vols.]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, vol. 1: 1861–1864, 423 p. (In Russian).
3. Dmitrieva N. V. Sacred Construction Project: Alexander Nevsky Cathedral in Revel and the problem of the expansion of Orthodoxy in the Estland province in late 19th — early 20th centuries. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Recent history of Russia]. 2022, vol. 12, iss. 4, pp. 906–924. (In Russian).
4. Ivanov A. A. Conservative criticism of the slogan "Russia for the Russians" (late XIX — early XX century). *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise]. 2016, iss. 2, pp. 56–70. (In Russian).
5. Ivanov A. A. The notion of the concept of "Russians" in Russian conservative thought (1860s — 1917). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017, iss. 2 (22), pp. 40–50. (In Russian).
6. *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati* [Empire and nation in the mirror of historical memory]. Moscow, Novoye Publ., 2011, 413 p. (In Russian).
7. Kappeler A. Formation of nations and national movements in the Russian Empire. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii* [Russian Empire in foreign historiography]. Moscow, Novoye Publ., 2005, pp. 395–435. (In Russian).
8. Katkov M. N. *Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh Vedomostey. 1864* [Collection of editorial articles from Moskovskie Vedomosti. 1864]. Moscow, S. P. Katkov Publ., 1897, 841 p. (In Russian).
9. Katkov M. N. *Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh Vedomostey. 1881* [Collection of leading articles from Moskovskie Vedomosti. 1881]. Moscow, S. P. Katkov Publ., 1898, 632 p., a. (In Russian).
10. Katkov M. N. *Sobraniye peredovykh statey Moskovskikh Vedomostey. 1882* [Collection of editorial articles from Moskovskie Vedomosti. 1882]. Moscow, S. P. Katkov Publ., 1898, 632 p., b. (In Russian).
11. Kotov A. E. "Modern Non-Feudal Monarchy": Russian conservative press of late 19th c. in Search of a National Ideology. *Tetrad' po konservatizmu* [Notebooks on Conservatism]. 2015, iss. 4, pp. 130–146. (In Russian).
12. Kotov A. E. "Tsarskiy put" Mikhaila Katkova: ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov ["The Tsar's Way" of Mikhail Katkov: The ideology of bureaucratic nationalism in political journalism of the 1860s–1890s]. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2016, 486 p. (In Russian).
13. Kotov A. E. *Russkiy politicheskii predmodern. Zabytyye "conservatory" vtoroy poloviny XIX veka* [Russian political pre-modern. Forgotten "conservatives" of the second half of the 19th century]. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2019, 288 p. (In Russian).
14. Kenso Ya. Political nationalism of M. N. Katkov. *Russkaya politologiya* [Russian Political Science]. 2018, iss. 1 (6), pp. 46–52. (In Russian).
15. Miller A. I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanovs' Empire and Nationalism: An essay on the methodology of historical research]. Moscow, Novoye literaturnoy obozreniye Publ., 2006, 248 p. (In Russian).
16. *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (OR RGB)* [Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RSL)]. F. 230. No. 10802. K. 1. L. 34; F. 246. D. 73. L. 12. (In Russian).
17. Repnikov A. V. *Konservativnyye modeli rossiyskoy gosudarstvennosti* [Conservative models of Russian statehood]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014, 527 p. (In Russian).
18. Repnikov A. V., Milevsky O. A. *Dve zhizni Lva Tikhomirova* [Two lives of Lev Tikhomirov]. Moscow, Academia Publ., 2011, 558 p. (In Russian).
19. Rowley D. Imperial versus national discourse: the case of Russia. *Voprosy natsionalizma* [Issues of nationalism]. 2011, iss. 1 (5), pp. 212–230. (In Russian).
20. *Russkiy konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika* [Russian conservatism of the XIX century. Ideology and practice]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000, 440 p. (In Russian).
21. Sigma (Syromyatnikov S. N.). Analysis of common clichés. *Novoye Vremya* [New Time]. 1896, iss. 144. (In Russian).
22. Syromyatnikov S. N. *Opyty russkoy mysli* [Notes about Russian thought]. Saint Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1901, 321 p. (In Russian).
23. Tvardovskaya V. A. *Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya* [The ideology of the post-reform autocracy]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 280 p. (In Russian).
24. Teslya A. A. Debates about national identity. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review]. 2012, vol. 11, iss. 1, pp. 97–119. (In Russian).
25. Teslya A. A. "Istinno russkiye lyudi": istoriya russkogo natsionalizma ["True Russians": the history of Russian nationalism]. Moscow, Ripol-Classic Publ., 2019, 319 p. (In Russian).

26. Tikhomirov L. A. Russian business and Russification. *Kritika demokratii* [Critique of democracy]. Moscow, Moskva Publ., 1997, pp. 541–549. (In Russian).
27. Hosking D. *Rossiya: narod i imperiya* [Russia: people and empire]. Smolensk, Rusich Publ., 2001, 512 p. (In Russian).
28. Shchapov A. P. Great Russian regions and the Time of Troubles. *Otechestvennye zapiski* [Annals of Fatherland]. 1861, iss. 10, pp. 579–616; iss. 11, pp. 79–118. (In Russian).
29. Yuzefovich M.V. *Narodnost i gosudarstvo* [National identity and the state]. Kyiv, University Publ., 1867, 8 p. (In Russian).
30. Gellner E. *Nations und Nationalism*. NY, Ithaca, Cornell University Press, 1983, 150 p.
31. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY, Public Affairs, 2004, 192 p.

Информация об авторе

Крот Максим Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществознания Южного федерального университета.

Сфера научных интересов: история Российской империи второй половины XIX — начала XX веков, Российская имперская государственность в отечественном консервативном дискурсе, правительственная политика в отношении западных национальных окраин Российской империи, консервативное направление русской общественной мысли XIX–XX веков.

Information about the author

Krot Maksim Nikolaevich — candidate of history, associate professor, head of the Chair of Special Historical Disciplines and Methods of Teaching History and Social Science, Southern Federal University.

Research interests: history of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th centuries, Russian imperial statehood in national conservative discourse, government policy towards the western national outskirts of the Russian Empire, conservative direction of Russian public thought in the 19th–20th centuries.

Статья поступила в редакцию 24.05.2023; принята к публикации 01.07.2023.

The article was submitted 24.05.2023; accepted for publication 01.07.2023.